

В. Р. МуравлеваВоенный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4083-4619 **E-mail:** VR.Muravleva@mail.ru.

Информационная война: лингвистические вопросы формирования и структурирования терминологической системы

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу терминологических единиц, обозначающих понятие «информационной войны». После появления в широком научном дискурсе данного феномена все больше и больше укреплялась тенденция подведения максимального количества форм, средств и способов воздействия под это понятие. В результате активного развития данного явления и изучения его рядом наук, каждая из которых дает ему собственное наименование, возник и продолжает расти ряд синонимичных терминов, что, в свою очередь, создает путаницу и препятствует дальнейшему, более детальному рассмотрению важного в наши дни вопроса. В статье представлены наиболее частотные термины, употребляющиеся со значением «информационная война» как в русском, так и в английском языке. Актуальность изучения информационной войны подтверждается «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации», а также докладами ООН. Выявлены основные причины возникновения синонимического ряда, а также названы возможные способы решения данной проблемы. В качестве решения изучаемой проблемы автор предлагает создать единую наддисциплинарную терминологическую систему с возможностью составления определений, необходимых для каждого конкретного направления исследований. Проанализированы наиболее частотные термины со значением «информационная война», а именно: «информационная война», «информационное противоборство», «информационная интервенция», на основании чего предложен центральный термин. Практическая значимость статьи обусловлена тем, что выработка единой терминологической системы повысит эффективность составления тактик и стратегий по противодействию информационному давлению, оказываемому на Российскую Федерацию, а в перспективе будет способствовать разработке сдерживающих механизмов и ограничительных норм международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные войны; информационное противоборство; информационная безопасность; терминология; терминоведение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Муравлева Валерия Романовна, адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; 125047, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: VR.Muravleva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Муравлева, В. Р. Информационная война: лингвистические вопросы формирования и структурирования терминологической системы / В. Р. Муравлева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 71-76. — DOI 10.26170/pl19-03-08.

На сегодняшний день информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого отдельного человека и общества в целом. Они приобрели трансграничный характер и нашли свое применение в таких сферах, как политика, экономика, военное дело и многих других, позволив сэкономить финансовые и человеческие ресурсы, а с другой стороны, создав новые информационные угрозы. Возможность практически беспрепятственного оборота информации активно используется для достижения геополитических, военных, террористических и иных целей, тем самым угрожая международной безопасности.

В 1985 г. китайский ученый Шэн Вэйгуан опубликовал книгу «Информационная война», впервые официально употребив данный термин [Панарин 2006: 211]. С 1992 г. понятие «информационное противоборство» (Information Warfare) стало официально использоваться Министерством обороны США (директива DOD S 3600.1) как разновидность

радиоэлектронной борьбы. Однако немногим позже, в 1996 г., это понятие получило расширительную трактовку в отчете американской корпорации «Рэнд» MR-661-OSD (Strategic Information Warfare. A New Face of War), в котором информационная война понималась как использование киберпространства в целях воздействия на ход боевых действий, а также нанесение ущерба государственным информационным структурам [Molander 1996].

Актуальность исследования информационной войны во всем многообразии ее аспектов диктуется рядом официальных документов как в нашей стране, так и за рубежом. Так, в докладе Генерального секретаря ООН (A/56/164MШ.1 от 3 окт. 2001 г.) информационные войны были отнесены к основным угрозам личности, обществу и государству в информационном пространстве наряду с такими угрозами, как разработка и использование средств несанкционированного вмешательства в информационную

сферу другого государства; неправомерное использование чужих информационных ресурсов и нанесение им ущерба; целенаправленное информационное воздействие на население иностранного государства; попытки доминирования в информационном пространстве; поощрение терроризма [Иванов 2013: 276].

В России важность изучения информационной войны определяется «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Пункт 18 данного документа гласит: «Состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований <...>. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая ее целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую не имеют комплексной основы» [Доктрина информационной безопасности РФ 2016]. Далее в пункте 27 ставятся непосредственные задачи, способствующие обеспечению информационной безопасности, а именно: «в) проведение научных исследований и осуществление опытных разработок в целях создания перспективных информационных технологий и средств обеспечения информационной безопасности; <...>; д) обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности» [Доктрина информационной безопасности РФ 2016].

На современном этапе изучением информационных войн занимается широкий круг наук — политология, информатика, психология, лингвистика и многие другие. Каждое научное направление при изучении понятия «информационная война» расставляет свои акценты и приоритеты. В связи с этим в настоящее время существует огромное количество терминов и определений, обозначающих «информационную войну» и тесно связанные с ней явления.

В данной работе под «термином» мы понимаем «инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме» [Комарова 1991: 46].

По мнению Д. С. Лотте, наличие у одного понятия в различных научных направлениях различных терминов становится причиной создания путаницы даже во взаимодействии

специалистов, нарушает возможность быстрого обмена опытом, ведет к разобщению, обуславливая так называемое «дробление» языка [Лотте 1961: 16].

При анализе работ, посвященных информационной войне, нам встретилось более 60 терминов и понятий, используемых в качестве синонимов обозначений рассматриваемого нами явления, а также тесно с ним связанных, например: информационно-психологическое противоборство, гибридно-информационная война, диффузная война, информационная интервенция, бихевиористская интервенция, пропагандистская война, виртуальная революция, смысловая война, медиавойна и др.

В английском языке встречаются такие термины, как информационные операции (*information operations*), действия по нарушению управления противника (*command and control warfare*), психологические операции (*psychological operations*), информационная безопасность (*information security*), операции влияния (*influence operations*), радиоэлектронная война (*electronic warfare*), кибербезопасность (*cybersecurity*), общественная дипломатия (*public diplomacy*), кибершпионаж (*cyber espionage*), кибервойна (*cyberwar*), хакерские атаки (*hackerwar*), информационно-экономическая война (*information economic warfare*) [Franke 2015: 41; Libicki 1995: 3].

По заявлению Объединенного центра передовых технологий по киберобороне НАТО (NATO's Cooperative Cyber Defense Center of Excellence), существует более 20 дефиниций термина «кибератака» — они зависят от государства, организации, СМИ, которые их используют [McClintock 2017]. Сосчитать же дефиниции всех существующих синонимов «информационной войны» едва ли представляется возможным.

Из приведенного выше многообразия инвариантов обозначения одного понятия видно, что единый сформированный и сформулированный терминологический аппарат, необходимый для дальнейшего изучения специфики информационной войны, отсутствует не только в русском языке, но и на международном уровне в целом. Причиной этого можно считать:

- новизну понятия «информационная война»;
- отсутствие организованной и четко сформулированной структуры информационной войны;
- широкий спектр сфер применения (экономика, политика, СМИ) и, как следствие, множество подходов к изучению;
- активный рост способов и методов ведения информационной войны;

– отсутствие четко определенных объектов и субъектов воздействия;

– отсутствие описания особенностей ситуативности применения информационной войны.

Неопределенность перечисленных выше факторов особенно четко просматривается при выстраивании параллели между относительно схожими понятиями, имеющими закрепленное значение в словарях. Для примера возьмем уже устоявшийся термин «ядерная война», появившийся, как и «информационная война», относительно недавно — в середине прошлого века. Согласно Большой российской энциклопедии, ядерная война — это «гипотетическая война между государствами (коалициями государств), основным средством поражения противника в которой является ядерное оружие» [Осипов 2017: 548]. В данной дефиниции четко определены акторы и средства ведения войны. При этом «ядерное оружие», в свою очередь, также имеет устоявшуюся дефиницию как в словаре («оружие массового поражения, в котором средством поражения являются боеприпасы с ядерными зарядами» [Осипов 2017: 564]), так и в сознании людей, в том числе и не являющихся специалистами в данной сфере. Услышав термин «ядерная война» в обыденной жизни, мы представляем себе возможные средства доставки боеприпасов, поражающие факторы данного вида боевых действий и приблизительную зависимость мощности заряда и зоны поражения. В какой-то степени можно сказать, что ядерная война предметна, ее средства поражения можно потрогать и посчитать, в то время как информационная война абстрактна. Ее методы и оружие не видны, и, как следствие, мы не можем предположить, какая будет зона поражения, кто пострадает и в какой мере, что затрудняет составление универсальных базовых дефиниций.

Одним из наиболее эффективных способов разрешения вышеперечисленных причин разрозненности рассматривающих информационную войну трудов, на наш взгляд, является составление четко структурированной наддисциплинарной терминосистемы, определения которой могут претерпевать незначительные различия ввиду особенностей научного направления.

Создание универсального определения, в отличие от термина, невозможно. Цель любого определения — фиксация содержания понятия, его значения; оно должно обозначать границы обслуживаемого термином явления и содержать наиболее важные и достаточные признаки, во-первых, определяющие его место среди других понятий, и,

во-вторых, создающие его специфичность. Определение должно быть доступно для понимания возможно большему кругу лиц, изложено в основном вербально, максимально кратко и построено так, чтобы по возможности вскрывать физическую сущность понятия. Если же пытаться создать максимально всеобъемлющее определение (что в принципе невозможно, из-за того что определяемое понятие развивается, изучается и приобретает новые свойства и характеристики), то его объемы и синтаксическая структура сделают его слишком сложным для восприятия.

Структурированность любой терминосистемы связана с тем, что каждый термин имеет вполне определенное место по соподчиненности с другими, которое зависит от места соответствующего понятия во всей данной системе понятий [Лотте 1961: 14].

Наиболее универсальной и относительно устоявшейся классификацией информационной войны является ее разделение на информационно-психологическую (воздействие на моральное состояние людей, их взгляды, ценности, приоритеты) и информационно-техническую (воздействие на системы связи и управления) [Сковородников 2016: 42].

При рассмотрении наиболее частотных терминов для изучаемого нами явления особое внимание следует уделить группе «информационная война» — «информационное противоборство» — «информационная интервенция».

Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой, война — это «1) вооруженная борьба, боевые действия между племенами, народами, государствами и т. п.; 2) борьба, при которой используются средства экономического и идеологического воздействия» [Ефремова 2000: 705]. Словарь синонимов З. Е. Александровой предлагает следующую синонимическую группу: «военные (или боевые) действия, брань, рать» [Александрова 1986: 61].

Противоборство же, в свою очередь, — это «борьба против кого-л., чего-л.; сопротивление кому-л., чему-л.» [Ефремова 2000: 684]. Синонимами «противоборства» З. Е. Александрова называет «отпор, противодействие, противление» [Александрова 1986: 402].

Таким образом, мы видим, что война — это борьба, характеризующаяся равными действиями сторон, в то время как «противоборство» — это скорее ответные действия одной стороны на агрессивные действия другой.

А. А. Костюхин и С. А. Киреев утверждают, что «противоборство» — это борьба, но-

сящая в первую очередь морально-психологический характер и продолжающаяся неопределенно долго. «Войной» они называют организованные действия, направленные на решение политических задач и являющиеся не потенциальными, а реальными [Костюхин, Киреев 2012].

Г. К. Вирен также отмечает, что термин «война» чаще всего используется для описания подготовки к ведению реальных боевых действий, в то время как «противоборство» относится к конфликтам, которые не перерастают в реальные войны [Вирен 2018: 16].

Рассмотренные нами термины, употреблявшиеся длительное время в качестве абсолютных синонимов, в последних исследованиях разграничиваются в соответствии с сущностью обозначаемых понятий: «противоборство» — это контрмеры, не имеющие временных рамок, основная задача которых — нейтрализовать действия противника и не допустить разрастания конфликта, а «война» — это действия сторон, каждая из которых преследует собственные политические, экономические и другие интересы.

Интервенция, согласно Большой российской энциклопедии, — это «вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства или в его взаимоотношения с третьим государством в целях захвата территории, установления своего политического господства, экономического порабощения, приобретения привилегий и т. п.» [Осипов: 296]. Данный термин в контексте информационной войны употребляется не столь часто и подразумевает действия субъекта информационной войны, осуществляемые при относительном бездействии объекта, в то время как «противоборство» — это спровоцированные субъектом действия объекта. Данный термин, с нашей точки зрения, несет в себе еще и сильное коннотативное значение, основанное на делении «свой — чужой».

С юридической точки зрения термин «война» может быть употреблен в следующих условиях:

- 1) о состоянии войны официально объявляется,
- 2) война предполагает разрыв дипломатических отношений между государствами,
- 3) осуществляется введение частичного или полного военного положения,
- 4) при ведении войны нормы международного гуманитарного права являются обязательными к соблюдению [Зеленков 2006: 182—183].

В свою очередь, вмешательство во внутренние дела другого государства (в том числе и информационное пространство) яв-

ляется нарушением международного гуманитарного права (зафиксировано в Заключительном акте СБСЕ (1975), а также в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (1981)) [Осипов: 296].

В соответствии с современной геополитической обстановкой мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время мы фактически можем говорить лишь об информационном противоборстве, так как ни одна страна официально не признает применения информационного воздействия на население других государств, а свои действия характеризует как ответную реакцию на информационную интервенцию.

Термин «информационные операции» также ошибочно используется в качестве синонима «информационной войны». Операция — это совокупность согласованных и взаимосвязанных действий, проводимых по единому плану, для решения конкретных задач. При обобщении данных терминов искажаются видо-родовые отношения понятий. Операция является средством реализации целей и задач информационной войны.

Еще одним типичным примером нарушения видо-родовых отношений является использование термина «пропаганда» в значении «информационная война». Значения данных терминов, на первый взгляд, максимально схожи: пропаганда — это «популяризация и распространение политических, философских, религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание» [Ивин 2004: 874], однако, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, пропаганда, в отличие от информационной войны, осуществляется открыто, задачи по внушению ложных целей и сокрытию воздействия в ней не реализуются. Первым же признаком информационной войны он называет «скрытность воздействия и внушение человеку желаний, заведомо противоречащих его главным ценностям и интересам» [Кара-Мурза 2010: 37]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пропаганда в определенных случаях может быть использована в качестве средства психоэмоционального воздействия в ходе информационной войны, но не равнозначна ей.

Одним из самых необычных терминов, встретившихся нам в значении, синонимичном «информационной войне», был термин «бихевиористическая война». Данный вариант номинации изучаемого нами явления понятен очень узкому кругу специалистов,

знакомых с поведенческой психологией, основателем которой является Д. Уотсон. Определение, раскрывающее особенности такой войны, по сей день официально не зафиксировано. Лотте призывает «решительно бороться с дурной тенденцией создавать „свой“ отраслевой термин для чужого понятия, когда в этом нет необходимости» [Лотте 1961: 24]. Существование данного термина в настоящий момент не имеет обоснованной базы, принципиально отличающей его от общего термина «информационная война».

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что составление единой терминологической системы для описания понятия «информационная война» будет значительно способствовать изучению данного явления в наддисциплинарном ключе, что, в свою очередь, повысит эффективность составления тактик и стратегий по противодействию информационному давлению. Центральным термином для изучаемого нами явления предлагаем считать «информационную войну» ввиду официального статуса войны и, как следствие, наличия у нее четко сформулированных целей, задач и методов. «Информационное противоборство» — это реализация информационной войны в неофициальных условиях, средства которой, носящие неопределенный, зачастую спонтанный характер, могли бы усложнить изучение и описание данного явления, что не позволяет сделать данный термин центральным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : ок. 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. — М. : Русский язык, 1986. 600 с.
2. Вирен Г. В. Третья мировая... Информационная. — М. : Звонница-МГ, 2018. 276 с.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

V. R. Muravleva

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4083-4619

 E-mail: VR.Muravleva@mail.ru.

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Рус. яз., 2000. Т. 1. 1209 с. (Б-ка словарей рус. яз.).

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с. (Б-ка словарей рус. яз.).

6. Зеленков М. Ю. Военная политология: учеб. пособие. — М. : Красная звезда, 2006. 400 с.

7. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2013. Т. 2. № 4 (80). С. 276—279.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. 864 с.

9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. — Свердловск, 1991. 156 с.

10. Костюхин А. А., Киреев С. А. «Война или противоборство?» [Электронный ресурс] // Мир и политика. 2012. URL: <https://studylib.ru/doc/3866142/4gw—«vojna»-ili-«protivoborstvo»> (дата обращения: 10.02.19).

11. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

12. Осипов Ю. С. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 11. Излучение плазмы — Исламский фронт спасения. — М. : БРЭ, 2008. 766 с. : ил.

13. Осипов Ю. С. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 30. Шервуд — Яя. — М. : БРЭ, 2017. 798 с. : ил.

14. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика : учеб. пособие для вузов. — М. : Горячая линия — Телеком, 2006. 352 с. С 211.

15. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.

16. Философия : энцикл. слов / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

17. Libicki M. C. What is Information Warfare? — The Center for Advanced Command Concepts and Technology Institute for National Strategic Studies, 1995. 104 p.

18. McClintock B. Russian Information Warfare: A Reality That Needs a Response (2017) [Electronic resource]. URL: <https://www.rand.org/blog/2017/07/russian-information-warfare-a-reality-that-needs-a.html> (date of access: 18.02.2019).

19. Molander R., Riddile A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War [Electronic resource]. — National Defense Research Institute RAND, 1996. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (date of access: 16.02.19).

20. Ulrik Franke. War by non-military means: understanding Russian information warfare [Electronic resource]: FOI Report, FOI-R-4065-SE, March 2015. P. 41. URL: <http://www.foi.se/en/Top-menu/Pressroom/News/2015/War-by-Non-Military-means> (date of access: 18.01.19).

Information War: Linguistic Issues of Formation and Structuring of the Terminological System

ABSTRACT. *The article deals with analysis of terminological units denoting «information wars». After the appearance of this phenomenon in the broad scientific discourse, the tendency to expand the scope of the notion by including more and more forms, means and kinds of influence in it became rather popular. As a result of active development of this phenomenon and its study by a number of sciences, each of which gives it its own name, a host of synonymic terms have come to life, which, in its turn, produces terminological chaos and prevents further and more detailed treatment of this urgent issue. The article describes the more frequently used terms with the meaning “information war” both in Russian and in English. The urgency of the study of information wars is corroborated by the “Doctrine of Information Security of the Russian Federation” and the reports of the United Nations Organization. The article reveals the main causes of emergence of the synonymic row and names the probable ways of the problem solution. As one of the ways of solution of the problem, the author suggests*

creating a uniform super-disciplinary terminological system allowing scholars to invent definitions necessary for each particular aspect of research. The article analyzes more frequent terms with the meaning “information war”, such as “information war”, “information confrontation”, “information intervention”, and on this ground suggests a dominant term. The practical value of the article consists in the fact that creation of a uniform terminological system could raise the efficiency of the design of strategies and tactics of counteraction to information pressure over the Russian Federation, and in future may facilitate the introduction of check mechanisms and restriction norms in the international law.

KEYWORDS: *information wars; information confrontation; information security; terminology; terminological studies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Muravleva Valeriya Romanovna, Post-graduate Student of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Muravleva, V. R. Information War: Linguistic Issues of Formation and Structuring of the Terminological System / V. R. Muravleva // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 71-76. — DOI 10.26170/pl19-03-08.*

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. Dictionary of Russian Synonyms: approx. 9000 synonyms / ed. L. A. Cheshko. — Moscow : Russian language, 1986. 600 p. [Slovar' sinonimov russkogo yazyka : ok. 9000 sinonimicheskikh ryadov / pod red. L. A. Cheshko. — M. : Russkiy yazyk, 1986. 600 s.]. — (In Rus.)
2. Viren G. V. The Third World ... Information. — Moscow : Zvonitsa-MG, 2018. 276 p. [Tret'ya mirovaya... Informatsionnaya. — M. : Zvonitsa-MG, 2018. 276 s.]. — (In Rus.)
3. Doctrine of Information Security of the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016, No. 646 // Offic. Internet portal of legal information. [Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] : ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 g. № 646 // Ofits. internet-portal pravovoy informatsii]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-building. — Moscow : Rus. lang, 2000. Vol. 1. 1209 p. (Bibl. of Russian language dictionaries). [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. — M. : Rus. yaz., 2000. T. 1. 1209 s. (B-ka slovarey rus. yaz)]. — (In Rus.)
5. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-building. — Moscow : Rus. lang, 2000. Vol. 2. 1084 p. (Bibl. of Russian language dictionaries). [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. — M. : Rus. yaz., 2000. T2. 1084 s. (B-ka slovarey rus. yaz)]. — (In Rus.)
6. Zelenkov M. Yu. Military Political Science : teaching aid. — Moscow : Red Star, 2006. 400 p. [Voennaya politologiya: ucheb. posobie. — M. : Krasnaya zvezda, 2006. 400 s.]. — (In Rus.)
7. Ivanov S. A. Information Warfare: the Essence and the Main Forms of Manifestation // Proceedings of Altay State Univ. 2013. Vol. 2. No. 4 (80). P. 276—279. [Informatsionnaya vojna: sushchnost' i osnovnye formy proyavleniya // Izv. Altaysk. gos. un-ta. 2013. T. 2. № 4 (80). S. 276—279]. — (In Rus.)
8. Kara-Murza S. G. Manipulation of Consciousness. — Moscow : Eksmo : Algorithm, 2010. 864 p. [Manipulyatsiya soznaniiem. — M. : Eksmo : Algoritm, 2010. 864 s.]. — (In Rus.)
9. Komarova Z. I. The Semantic Structure of a Special Word and its Lexicographical Description. — Sverdlovsk, 1991. 156 p. [Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie. — Sverdlovsk, 1991. 156 s.]. — (In Rus.)
10. Kostyukhin A. A., Kireev S. A. “War or Confrontation?” [Electronic resource] // World and Politics. 2012. [«Vojna ili protivoborstvo?» // Mir i politika. 2012]. URL: <https://studylib.ru/doc/3866142/4gw-«vojna»-ili-«protivoborstvo»> (date of access: 10.02.19). — (In Rus.)
11. Lotte D. S. Basics of the Construction of Scientific and Technical Terminology. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 158 p. [Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1961. 158 s.]. — (In Rus.)
12. Osipov Yu. S. The Great Russian Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 11. Plasma radiation — Islamic front of salvation. — Moscow : BDT, 2008. 766 p. : il. [Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 11. Izluichenie plazmy — Islamskiy front spaseniya. — M. : BRE, 2008. 766 c. : il.]. — (In Rus.)
13. Osipov Yu. S. The Great Russian Encyclopedia. In 30 vol. Vol. 30. Sherwood — Yaya. — Moscow : BDT, 2017. 798 p. : il. [Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 30. Shervud — Yaya. — M. : BRE, 2017. 798 c. : il.]. — (In Rus.)
14. Panarin I. N. Information Warfare, PR and World Politics : teaching aid for universities. — Moscow : Hotline — Telecom, 2006. 352 p. [Informatsionnaya vojna, PR i mirovaya politika : ucheb. posobie dlya vuzov. — M. : Goryachaya liniya — Telekom, 2006. 352 s. S 211]. — (In Rus.)
15. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Linguistics of Information-psychological War: on Substantiation and Definition of the Term // Political Linguistics. 2016. No 1 (55). P. 42—50. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50]. — (In Rus.)
16. Philosophy : entsikl. dictionary / ed. A. A. Ivina. — Moscow : Gardariki, 2004. 1072 p. [Filosofiya : entsikl. slov / pod red. A. A. Ivina. — M. : Gardariki, 2004. 1072 s.]. — (In Rus.)
17. Libicki M. C. What is Information Warfare? — The Center for Advanced Command Concepts and Technology Institute for National Strategic Studies, 1995. 104 p.
18. McClintock B. Russian Information Warfare: A Reality That Needs a Response (2017) [Electronic resource]. URL: <https://www.rand.org/blog/2017/07/russian-information-warfare-a-reality-that-needs-a.html> (date of access: 18.02.2019).
19. Molander R., Riddle A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War [Electronic resource]. — National Defense Research Institute RAND, 1996. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (date of access: 16.02.19).
20. Ulrik Franke. War by non-military means: understanding Russian information warfare [Electronic resource]: FOI Report, FOI-R-4065-SE, March 2015. P. 41. URL: <http://www.foi.se/en/Top-menu/Pressroom/News/2015/War-by-Non-Military-means> (date of access: 18.01.19).